

А.С. Ворошилова

«НЕКАНОНИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ» СВЯЩЕННИКОВ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРИХОДОВ: ПРИЧИНЫ И СПЕЦИФИКА

*Статья подготовлена в рамках Программы «Научный фонд Д.И. Менделеева
Томского государственного университета» по направлению «Наука в Сибири и о Сибири» («TSSW»).*

Тема девиации приходского духовенства интересует все большее число исследователей истории повседневности. Тем не менее в сибирской историографии причины формирования поведенческих стратегий священнослужителей, не отвечающих общепринятым нормам, не выделялись в специальную тему. В настоящей статье предпринята попытка восполнить пробел с помощью материалов по истории сибирских переселенческих приходов и выяснить, влияла ли специфика служения в условиях переселения на неканоническое поведение священнослужителей.

Ключевые слова: приходское духовенство; таежная Сибирь; «неканоническое поведение»; переселение; история повседневности.

История повседневности притягивает к себе внимание все большего числа исследователей, которое обусловлено интересом к «обыденным и частным аспектам современного культурного бытия» [1. С. 97] и возможностью представить исторический процесс как сферу «микросоциальных отношений, целостного социокультурного жизненного мира». Являясь «единичным проявлением жизни общества» [2. С. 56], повседневная жизнь в то же время всегда отражает более глобальные процессы.

Рассматривая работы, посвященные истории РПЦ и духовного сословия, можно отметить, что помимо изложения «типичной» характеристики приходского духовенства разных регионов (Московской, Рязанской, Ярославской, Якутской и других губерний [3–6]) исследователи обращаются к таким «повседневным» темам, как социокультурный облик священника, отражение его в периодической печати, взаимоотношения с паствой или «мирская» деятельность священников (например, врачевание [7]). Помимо этого историков интересуют вопросы девиации духовного сословия [8–10]. В частности, А.Р. Павлушков концентрирует свое внимание на причинах правонарушения духовенства и приводит классификацию используемых в научной литературе подходов, выделяя юридический, социологический, исторический и биологизаторский. Вместе с тем им отмечено, что в исторической школе проблема правонарушений клира не рассматривалась как собственно «научно-историческая», а авторы обращались к ней «подспудно при оценке более масштабных социальных явлений» [11. С. 14].

В региональной историографии причины формирования поведенческих стратегий священнослужителей, не отвечающих общепринятым социальным нормам, не исследовались специально. Тем не менее авторы в рамках общих исследований по реконструкции социокультурного облика сибирского священника, характеристике Томской епархии и деятельности РПЦ в организации приходской жизни переселенцев частично затрагивают эту тему [10, 12, 13]. Стоит отметить, что к настоящему времени выявлены специфика служения в Сибирском регионе, влияние переселенческого процесса и общих социокультурных изменений общества на деятельность духовенства, его соци-

альное положение, но непосредственная связь всего этого комплекса вопросов с причинами девиантного поведения пока остается «за кадром». В настоящей статье предпринята попытка восполнить пробел с помощью материалов по истории сибирских переселенческих приходов и выяснить, влияла ли специфика служения в условиях переселения на неканоническое поведение священнослужителей?

На протяжении длительного времени в общественном сознании духовенство считалось вторым по значимости привилегированным сословием, выполняющим роль «наставника народа» и «ангела хранителя царской власти и государства». Трансформация роли РПЦ в общественной жизни в начале XX в., связанная, помимо прочего, с введением свободы вероисповедания, привела к тому, что священникам приходилось идентифицировать себя поновому» [14. С. 40] и выстраивать отношения с паствой с учетом изменений.

А.В. Скутнев предположил, что на эти процессы влияла специфика профессии: необходимость оставаться «духовным поводырем» как во время богослужений, проповедей и совершения таинств, так и своей бытовой, повседневной жизни. В результате любое действие священника становилось публичным, а самый незначительный проступок или отклонение от нормы даже в быту могли трактоваться как нарушение профессиональных норм [8. С. 63]. Именно поэтому, поступив на службу в переселенческий приход, священнику было необходимо найти правильный психологический подход к прихожанам, совмещая его с выполнением служебных обязанностей. Это объясняется тем, что переселенческие приходы в большинстве случаев по социальному и вероисповедальному составу были разношерстны и частые конфликты и столкновения, возникавшие в связи с этим, требовали привлечения третьей стороны – священника. Для крестьян было важно, чтобы батюшка был добрым, отзывчивым, готовым к самопожертвованию, смелым, вежливым, мог должным образом убеждать и, главное, понимать нужды переселенцев. Несоответствие этим требованиям, вероятно, формулировалось в жалобах на «ззорное», «неблаговидное» поведение и «непастырское отношение к прихожанам».

Зафиксированные в журналах Томской духовной консистории жалобы на священников позволяют представить некий образ «идеального», по мнению крестьян, духовного наставника переселенческого прихода. Примечательно, что в этих документах, помимо перечисления обычных «прегрешений» (пьянство, азартные игры, сквернословие, распутство), можно увидеть еще *не*-веротерпимость священников. Если в приходах центральной части России, состоящих в основном из русского населения, конфликты священников с инославными были явлением редким, то на переселенческой территории, где количество инородцев могло составлять 26–33% от общего числа прихожан, их число могло увеличиваться. В частности, это выражалось в жалобах на избиение инородцев духовными лицами, причем иногда в церкви и при полном облачении [15. Л. 318 об., 687].

Прихожане, требуя от священника находиться в рамках постоянного нравственного самоконтроля, сами были далеко не идеальны и подвержены многим порокам. Их девиантное поведение в ряде случаев усложняло выполнение профессиональных обязанностей священнослужителями. Например, в приходе с. Аюонинское 14-го благочиния Кузнецкого уезда неизвестными злоумышленниками было ограблено сразу два молитвенных дома в течение одной недели. И если в первом случае воры действовали аккуратно – вскрыли замок, взяли деньги из жертвенной кружки и максимально скрыли свое присутствие, то во втором все случилось с точностью наоборот: вся церковная утварь и иконы оставлены не на своих местах, в полном беспорядке, а помимо денег из кружек пропала и «лжица» для причащения. Главной причиной этих событий явилось отсутствие должной охраны: «Сторожей постоянных нет, а бывают они только при требоисправлениях причта» [15. Л. 461]. Виновными стали прихожане, поскольку охрана священных объектов считалась их обязанностью, и уклонение от «дачи сторожей» в молитвенные дома и церкви можно расценивать как неуважительное отношение к православной вере и деятельности священника по ее поддержанию в приходе. Несомненно, это оказывало влияние на психологическое состояние духовенства и провоцировало ответное негативное отношение священника как к прихожанам, так и своим обязанностям.

Не только преступная деятельность прихожан, но и их открытая неприязнь к пастырю становилась существенным препятствием благополучного служения. Так, в 1907 г. в консисторию была прислана телеграмма сельского священника Всеволода Попова следующего содержания: «указом Консистории запрещен без следствия, прошу разрешения или уезжаю, жить невозможно, чуть не зарезали» [16. Л. 1271]. Обстоятельства дела были таковы, что Попова запретили в целях сохранения его безопасности и для успокоения живущих в его приходе староверов-«единоверцев», возмущенных служением его по «новому» обряду. Видимо, подобные явления были не редкостью для переселенческих приходов, и существование рядом нелегальных старообрядческих скитов, предлагавших православному населению «альтернативную храмовую культуру», вообще могло осво-

ждать прихожан от необходимости содержать полноценный причт [17. С. 686].

Помимо общественного контроля значительная часть жизни духовного лица находилась под наблюдением духовной консистории. И ее контроль порой доходил до абсурда. Духовным лицам приходилось отчитываться по каждому незначительным событиям, происходившим в их приходах, и просить разрешения на осуществление большинства своих действий. Странно, например, выглядит прошение священника с. Орлеан Барнаульского уезда Алексея Иванова Архиепископу Макарию разрешить ему ношение черной скуфьи во время богослужения в храме. Она подкреплялась пространным объяснением, из которого ясно, что храм не приспособлен к проведению нормальных богослужений, поскольку построен некачественно: «Во все углы и пазы дует ветер, а во время бывших буранов нанесло снегу во всем храме, особенно в алтаре, так что стоять невозможно и довелось выгрести лопатой» [18. Л. 33].

Добавим, что повседневные бытовые условия проживания священника были не особо благоприятными – ему пришлось жить в недостроенном доме, «где страшный холод, так что и день и ночь нужно быть в меховой одежде, вода мерзнет, от топки печи почти нет пользы, в фундамент дует ветер, а на потолке мало земли» [Там же]. Попытки Иванова улучшить положение с помощью сельского схода не увенчались успехом: прихожане отказались ремонтировать дом и переложили вину на давно уехавшего строителя-подрядчика. Неудивительно, что после подобного служения «во благо православной веры» священник заболел и в отчаянии написал прошение.

Вопрос о девиации в среде сельского духовенства достаточно сложен, противоречив и требует рассмотрения целого комплекса причин и событий, достоверность которых – на основе имеющихся источников информации – зачастую трудно установить. В то же время есть неоспоримые объективные факторы, оказывающие влияние на поведение священно- и церковнослужителей при поступлении на службу. Особое место в их ряду занимала система подготовки духовных лиц к выполнению своих служебных обязанностей. Первой ступенью являлось духовное училище, несколько лет пребывания в котором изменяло «юных поповичей» до неузнаваемости: «...деформировался характер, уродовалась психика, терялись надежды на будущее» [14. С. 40]. Т.Г. Леонтьева пришла к выводу, что подобная обстановка в начальной духовной школе провоцировала «дурной поворот мыслей и чувств», из-за чего «вчерашие богобоязненные мальчики начинали курить, пропускать занятия, конфликтовать с учителями», а семинарии на рубеже XIX–XX вв., перестав быть «рассадником веры», со своим особым бытом попросту исключали «подготовку подлинных служителей культа» [Там же]. К схожим выводам пришел и Д.В. Поспеловский, отмечавший, что «атмосфера семинарий в плане благочестия оставляла желать много лучшего», а «в школах, готовящих пастырей для народа, атеизм, нигилизм и радикализм были делом совершенно обычным» [19. С. 62].

Стоит отметить, что истоки подобного явления в духовной образовательной среде были тесно связаны с церковными реформами XVIII в., превратившими семинарии в учебные заведения исключительно для выходцев духовного сословия и, соответственно, священников – в замкнутую социальную касту. Позже это привело к насильственному удерживанию в их стенах искавших выхода в светское звание. Видный духовный деятель протоирей Флоровский оценивал эту ситуацию так: «Всего опаснее было то чувство экономического закрепощения, которое все больше развивалось в духовном сословии и уже перерождалось в чувство классовой горечи, обиды, социальной несправедливости. Духовенство, особенно сельское, жило в крайней скудности, бедности, часто в прямой нищете. И своих детей могло воспитывать только в своих сословных “духовных школах”, да и то обычно с крайним экономическим напряжением, почти надрывом. Отсюда именно та болезненная психология, которую обличительно называли “корыстолюбием” нашего духовенства, болезненная мечта о житейском благополучии и достатке, ради семьи, что обычно бывает отражением бытового пауперизма. Но эта единственная доступная школа готовила только к одному поприщу. Трудно было ожидать, что вся масса “духовного юношества” будет охвачена одним пастырским порывом. Этого никогда и не бывало» [20. С. 479–480].

В конце XIX в. бегство молодежи духовного звания из «ведомства православного вероисповедания» приобрело пугающие размеры, а оставшиеся делали это «по нужде, по принуждению, от страха, без вдохновения, но со скрытой горечью, часто и без веры» [Там же. С. 480]. Тем не менее церковные власти не замечали этого и решали проблему способом сомнительной эффективности. Если в уставе 1884 г. разрешалось поступать в академии выпускникам любых учебных заведений, то уже в 1902 г. к экзаменам допускались только успешно прошедшие семинарские испытания по богословским предметам. Эти меры были связаны с желанием оградить академии от влияния светской школы. Позднее, осознав, что подобная политика лишь усугубляет ситуацию, церковные реформаторы начинают искать другие пути преобразования семинарского образования. В результате была высказана идея о создании разных типов пастырских школ в зависимости от задач пастырской практики, но преобразования не состоялись, а число квалифицированных священно- и церковнослужителей с богословским образованием в среде духовенства стремительно уменьшалось. Наряду с низкой оплатой труда и выгодной альтернативой гражданской службы это привело к падению качества выполнения духовными лицами своих профессиональных обязанностей и деформации их морально-нравственного облика.

К концу первого десятилетия XX в. в связи с новым этапом переселенческой политики Столыпина, открытием новых приходов и увеличением их количественного состава происходят некоторые изменения в кадровом вопросе духовного сословия. Например, в Сибири, Поволжье и на Дальнем Востоке было разрешено занимать должность приходского священника

без полного семинарского образования. Однако это не привело к существенным изменениям.

Рассматривая приходы, расположенные на территории чулымского таежного массива, мы находим следующие подтверждения этому:

В благочинии № 3, центром которого традиционно считалось с. Ново-Кусково, на 1909 г. насчитывалось 33 духовных учреждения: 18 одноклассных приходских церквей, 6 приписных, 9 часовен и молитвенных домов. Эти храмовые сооружения обслуживали 36 человек, среди которых получивших образование было всего шестеро: 5 священников и 1 протоирей. В таблице представлены данные о наличии образованных священников в 5 благочиниях Томского уезда, которые дают основание для заключения: процент сельских священников с образованием, служивших в таежных районах Сибири в 1909 г., был примерно одинаков и совпадал с общим процентом образованности по Томскому уезду, который составлял около 20%.

Доля образованных священников в переселенческих приходах*

№ благочиния	2	3	5	6	39	По Томскому уезду
% священников с образованием	28	17	17	0	21	20

* Составлено по данным отчетов благочинных о церквях и белом духовенстве.

О.Н. Устьянцева, исследуя данный вопрос, пришла к выводу, что на территории Томской епархии в период с 1883 по 1916 г. происходило непрерывное сокращение количества священнослужителей с богословским образованием с 40,6 до 25,1%. Главными причинами этого стали нежелание выпускников семинарий становиться на путь духовного служения и расширение спектра учебных заведений [13. С. 102].

Рассматривая причины отклоняющегося поведения духовных лиц, необходимо отметить еще один важный аспект – материальное обеспечение духовенства. Оно складывалось из нескольких источников: жалование из государственного казначейства и различных ведомств, денежные поступления от частных предпринимателей, благотворителей и прихожан, хлебная руга и доходы от земельных наделов, совершения треб, преподавание закона Божьего в школах, пользование общественными домами и проценты с причтового капитала. Представленный список – общий для городского и сельского клира, но в большинстве случаев в распоряжении обычного сельского пастыря было лишь 2–3 способа материально обеспечить себя – государственное жалование, хлебная руга и плата за требы.

Например, из 933 причтов Томской епархии к 1917 г. только 76,6% были обеспечены стабильным казенным жалованием. К выплате хлебной руги прихожане таежных районов Сибири, как свидетельствуют данные О.Н. Устьянцевой, относились «холодно», «враждебно», «часто уклонялись от уплаты, а если и платили, то с крайним нежеланием, неохотой и укоризнами». Так, в 1883 г. хлебная руга совсем не выплачивалась в 3-, 18-, 26- и 28-м благочиниях

[13. С. 107]. Получение дохода от треб было не менее проблематичным, поскольку официально эти платы считались добровольными пожертвованиями прихожан и цены их зависели от уровня жизни в населенном пункте. Необходимо отметить, что особую роль в задачах по содержанию духовенства играли церковно-приходские попечительства, которые собирали пожертвования, но они не могли решить проблему обеспечения духовных лиц, поскольку собранные средства прихожане тратили на постройку и ремонт храмов, а не на поддержку членов причта. Таким образом, ситуация с нестабильностью финансового обеспечения священнослужителей приводила либо к вымогательству завышенных плат за требы и нарушению заповеди «не укради» путем присвоения кружечных сборов, либо к занятиям «коммерческой деятельностью во вред пастырской» (например, продаже и покупке лошадей») [16. Л. 1152, 1271].

Сопоставив данные о финансовом обеспечении сельских пастырей с информацией об условиях их проживания (например, к 1914 г. причтовые дома имелись в 83% приходов, в 15% были наемные квартиры, зачастую ветхие, холодные и требующие ремонта [13. С. 109]), можно увидеть, что условия жизни представителей сельского духовенства Томской епархии могли стать весомой причиной различных правонарушений и «упущений по службе». Учитывая неутешительные цифры епархиальной статистики, когда 1/3 священников, прежде всего, сельских приходов находилась за чертой прожиточного минимума [Там же. С. 109–111], сложно рассуждать о связи неканонического поведения духовных лиц с их личностными характеристиками.

В этом смысле многие проступки, в том числе: упущения по службе, грубое обращение, оскорбление словами и действиями, клевета, вымогательство, образ жизни, не соответствующий пастырскому, совершались под действием объективных причин, от безысходности, несправедливости, а в некоторых случаях от собственного бессилия и невозможности улучшить ситуацию.

Иногда условия жизни духовных лиц были настолько тяжелы, что их служение в приходе становилось непосильным бременем. Например, трагично сложилась судьба псаломщика Басандайской Преображенской церкви, которая находилась далеко от жилых домов, была окружена густым лесом и пустыми

дачными строениями и ко всему прочему имела «в своем активе» убийство трех служителей. Совмещение обязанностей псаломщика, трапезника и сторожа этой церкви в течение 10 лет вынуждали его вести ненормальный образ жизни – «обращать день в ночь, а ночь в день и находится всегда под страхом смерти». Это постепенно усугубляло его психологическое состояние. Обращаясь с жалобой в Томскую духовную консисторию, псаломщик писал, что такая жизнь в одиночестве довела его до «раздражительно-возбужденного состояния здоровья», наносила «душевные страдания», а это мешало сдерживать себя в отношениях с новым церковным старостой. В итоге, перебрав со спиртным, пытаясь «свое горе залить вином», он лишился рабочего места [15. Л. 565].

Таким образом, рассматривая причины отклоняющегося поведения в среде сельского духовенства Томской епархии и переселенческих поселков в частности, стоит учитывать несколько особенностей: а) специфику профессии, предполагавшую наличие двустороннего контроля: тотального – со стороны епархиального начальства, общественного – со стороны прихожан; б) изменение статуса духовенства в глазах верующих, которые начинают воспринимать священника не как «отца – настоятеля прихода», а необходимый атрибут для удовлетворения своих духовных потребностей; в) падение образовательного ценза в среде духовенства и низкокачественная подготовка кадров; г) отсутствие необходимых финансовых ресурсов для должного материального обеспечения сельского духовенства и возможностей для улучшения его священниками самостоятельно.

Томская епархиальная власть возлагала большие надежды на приходское духовенство как посредника при воздействии на православное и неправославное население переселенческих приходов. Наряду с этим светская власть с помощью священника надеялась решить некоторые задачи по управлению недавно созданными населенными пунктами. В подобной ситуации можно говорить о «многопрофильности» и «многофункциональности» деятельности сельского священника в переселенческих приходах, что увеличивало их физическую и психологическую нагрузку и требовало особой поддержки со стороны государства и высшей церковной власти, которая в действительности таковой не была.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скульмовская Л.Г., Назарова Н.В. Повседневность как культурно-историческая категория // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 97–100.
2. Радугина О.А. Повседневность как сфера микросоциальных отношений жизни личности // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1 (5). С. 55–60.
3. Белова Н.В. Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX в.: быт и нравы сословия : на материалах Ярославской епархии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2008. 22 с.
4. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 203 с.
5. Мухин И.Н. приходское духовенство в конце XVIII – начале XX в.: По материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 18 с.
6. Юрганова И.И. Якутская духовная консистория (история становления и деятельности, 1870–1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2003. 236 с.
7. Караваева Е.В. Подготовка священнослужителей к оказанию санитарной и медицинской помощи сельскому населению в конце XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1. С. 96–100.

8. Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 63–77.
9. Леонтьева Т.Г. Жил-был поп... Духовенство в российской повседневности // Родина. 1999. № 11. С. 42–47.
10. Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 261 с.
11. Павлушков А.Р. Проблема изучения правонарушений православного духовенства в отечественной историографии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 13–20.
12. Батурина Т.В. РПЦ и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX – XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 204 с.
13. Устьянцева О.Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX века. : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 259 с.
14. Леонтьева Т.Г. Жизнь и переживания сельского священника // Социальная история : ежегодник. М., 2000. С. 34–57.
15. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2910.
16. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3428.
17. Dutchak E.E. Orthodox Tradition in the Soviet Time: Factors of Continuity // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 4 (34). С. 686–691.
18. ГАТО Ф-239. Оп. 9. Д. 26.
19. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. 511 с.
20. Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 534 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 ноября 2015 г.

“NONCANONICAL CONDUCT” OF CLERGY OF MIGRANTS’ PARISHES: CAUSES AND SPECIFICS

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 28–33. DOI: 10.17223/15617793/403/5

Voroshilova Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Annet101052@mail.ru

Keywords: parochial clergy; Taiga Siberia; “noncanonical conduct”; resettlement; history of everyday life and practices.

Many researchers of the history of everyday life are interested in the topic of deviation of the parochial clergy. However, in the Siberian historiography, reasons for the formation of conduct strategies of the clergy that do not meet generally accepted standards did not become a separate theme. In the framework of general research, scholars focus their attention on the study of the reconstruction of the socio-cultural image of the Siberian priest, on the description of the Tomsk diocese and the Church’s participation in the organization of the parochial life of the resettlers. It is worth noting that at present the issues of the specificity of clergy service in the Siberian region, the impact of the resettlement process and the general socio-cultural changes in society reflected in the activities of the clergy and their social position are well documented, but the connection of these complex questions with the causes of deviant behavior is still not adequately studied. This paper attempts to fill this gap with the help of materials on the history of Siberian parochial migrants and will attempt to study whether the specificity of service influenced the noncanonical behavior of priests in the context of migrants’ resettlement. The question of deviation among the rural clergy is quite complicated, controversial and requires an examination of the whole complex of causes and events, the accuracy of which on the basis of available sources of information is often difficult to establish. At the same time, there are undeniable objective factors that influence the behavior of clergymen at the beginning of service. In this sense, when considering the causes of deviant behavior among the rural clergy of the Tomsk diocese and resettled villages in particular, some features can be allocated: a) the specificity of the profession with a bilateral control: total by the diocese authorities and social from the congregation; b) the change in the status of the clergy in the eyes of believers who began to perceive the priest not as the priest of the parish, but as a necessary attribute to meet their spiritual needs; c) the degradation of educational qualifications among the clergy and the low-quality training; d) the lack of financial resources for adequate material support of the rural clergy. Tomsk diocesan authorities had high hopes for the parochial clergy as a mediator in influencing the Orthodox and non-Orthodox resettled population. In addition, the temporal power hoped to solve some problems and manage the newly established settlements with the help of the priest. In this situation, one can speak of the “versatility” and “multifunctionality” of rural priests in migrants’ parishes, which increased their physical and psychological burden and their need in special support from the state and the supreme ecclesiastical authority that was very negligible in reality.

REFERENCES

1. Skul'movskaya, L.G. & Nazarova, N.V. (2014) Everyday routine as a cultural and historical category. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 12. pp. 97–100. (In Russian).
2. Radugina, O.A. (2015) Everyday life as the field of microsocial relationships of a person’s life. *Nauchnyy Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 1 (5). pp. 55–60. (In Russian).
3. Belova, N.V. (2008) *Provintsial'noe dukhovenstvo v kontse XVIII – nachale XX v.: byt i nrauy sosloviya: na materialakh Yaroslavskoy eparkhii* [The provincial clergy in the late 18th – early 20th centuries: the life and manners of the class: on materials of the Yaroslavl Diocese]. Abstract of History Cand. Diss. Yaroslavl.
4. Belonogova Yu.I. (2006) *Prikhodskoe dukhovenstvo Moskovskoy eparkhii v nachale XX veka i krest'yanskiy mir* [Parish clergy of the Moscow diocese at the beginning of the 20th century and the peasant world]. History Cand. Diss. Moscow.
5. Mukhin, I.N. (2006) *Prikhodskoe dukhovenstvo v kontse XVIII – nachale XX v.: Po materialam Egor'evskogo uezda Ryazanskoy eparkhii* [Parish clergy in the late 18th – early 20th centuries: On the materials of Yegoryevsky Uezd of the Ryazan Diocese]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
6. Yurganova, I.I. (2003) *Yakutskaya dukhovnaya konsistoriya (istoriya stanovleniya i deyatelnosti, 1870–1919 gg.)* [Yakut spiritual consistory (the history of the formation and activities, 1870–1919)]. History Cand. Diss. Yakutsk.
7. Karavaeva, E.V. (2009) Training Clergymen to Render Sanitary and Medical Aid for Agricultural Population at the End of 19th - the Beginning of 20th Centuries (on the Example of Tomsk’s Eparchy). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – The News of Altai State University*. 4–1. pp. 96–100. (In Russian).
8. Skutnev, A.V. (2007) *Prikhodskoe dukhovenstvo: osobennosti mentaliteta i nekanonicheskoe povedenie (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Parish clergy: features of mentality and non-canonical behavior (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 16. pp. 63–77.
9. Leont'eva, T.G. (1999) *Zhil-byt pop... Dukhovenstvo v rossiyskoy povsednevnosti* [Was a pope... The clergy in the Russian daily life]. *Rodina*. 11. pp. 42–47.

10. Vasil'eva, A.V. (2015) *Sotsiokul'turnyy oblik pravoslavnogo dukhovenstva v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [The socio-cultural image of the Orthodox clergy in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Omsk.
11. Pavlushkov, A.R. (2014) Problema izucheniya pravonarusheniy pravoslavnogo dukhovenstva v otechestvennoy istoriografii [The problem of studying the Orthodox clergy's offenses in domestic historiography]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences.* 2. pp. 13–20.
12. Baturina, T.V. (1999) *RPTs i krest'yanskie pereseleniya v Sibir' na rubezhe XIX – XX vv.* [ROC and peasant resettlement in Siberia at the turn of the 19th – 20th centuries]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
13. Ust'yantseva, O.N. (2003) *Tomskaya eparkhiya v kontse XIX – nachale XX veka* [The Tomsk Diocese in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Kemerovo.
14. Leont'eva, T.G. (2000) Zhizn' i perezhivaniya sel'skogo svyashchennika [The life and experiences of a village priest]. In: Anderson, K.M., Borodkin, L.I. & Sokolov, A.K. (eds) *Sotsial'naya istoriya: ezhegodnik* [Social history: a yearbook]. Moscow: ROSSPEN. pp. 34–57.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 170. List 1. File 2910. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 170. List 1. File 3428. (In Russian).
17. Dutchak, E.E. (2014) Orthodox Tradition in the Soviet Time: Factors of Continuity. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal – Bylye Gody.* 4 (34). pp. 686–691.
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO) F-239. List 9. File 26. (In Russian).
19. Pospelovskiy, D.V. (1995) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Respublika.
20. Florovskiy, G. (1991) *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Vilnius: Tipografiya Vil'tis.

Received: 30 November 2015